

ДЕЧКА ЧАВДАРОВА

Университет „Епископ Константин Преславски“
Факултет по хуманитарни науки
Катедра по история и теория на литературата
054-830 495 Шумен
ул. „Университетска“ 115

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ВАЗОВА: МЕЖДУ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ КУЛЬТОМ И ПОЗИТИВИЗМОМ

THE IMAGE OF THE TEACHER IN IVAN VAZOV'S WORKS: BETWEEN THE ENLIGHTENMENT CULT AND POSITIVISM

Объектом анализа в статье является концептуализация учителя в творчестве Ивана Вазова. В произведениях, воскрешающих эпоху Возрождения XIX века и национально-освободительной борьбы против османского рабства, открываем идею высокой миссии учителя как просветителя народа, знаковое превращение учителя в революционера, но и примеры зависимой позиции учителя в социуме. Особое внимание уделяется образу учителя в романе *Казаларская царица*, в котором идея позитивизма (народничества) о скромном, упорном труде учителя для культурного развития общества сочетается с элементами утопического дискурса. На основе наблюдений над интерпретацией темы учителя в творчестве Вазова приходим к выводам о роли писателя в конструировании концепта учитель в болгарской культуре.

Ключевые слова: Вазов, учитель, концепт, позитивизм.

The subject of the present analysis is the conceptualisation of the figure of the teacher in Ivan Vazov's works. Evoking the epoch of Bulgarian National Revival and the 19th-century struggle against the Ottoman yoke, his books convey the idea of the teacher's high mission as people's enlightener, show the transformation of the teacher into a revolutionary, but also give examples of injustice suffered by the teacher from public authorities. In the paper, particular attention is paid to the image of the teacher in Vazov's novel 'Kazalarskaya tsaritsa' ('The Empress of Kazalar'), where the utilitarian idea of modest, persistent teaching work for the cultural development of the people blends with elements of utopian discourse. On the basis of these observations a conclusion is formulated about Vazov's role in constructing the concept of the teacher in Bulgarian culture.

Keywords: Vazov, teacher, concept, positivism.

В современном литературоведении интерес к литературной концептуализации учителя можно связать с более широким интересом к концептуализации/мифологизации профессий (врача, инженера, аптекаря, кузнеца,

плотника, цирюльника и др.) в литературе/культуре. Как уже упоминалось по другому поводу, некоторые профессии могут актуализировать библейскую, евангельскую символику, другие получают вторичную мифологизацию в истории культуры. Высокие коннотации фигуры учителя порождаются как ассоциацией с Учителем в евангельском смысле, так и вторичной мифологизацией учителя на определенных этапах истории культуры и, в частности, истории отдельных национальных культур. Литература играет важную роль в этой мифологизации, но, вместе с тем, демифологизует и проблематизирует (особенно в творчестве реализма) высокую миссию учителя. Болгарский литературовед Никола Георгиев, обращаясь к проблемам, стоящим перед сегодняшним учителем литературы, приводит примеры сниженного образа учителя в европейской литературе с противоположным знаком: учителя-деспота (*Тяжелые времена* Диккенса, *Учитель Гнус* Генриха Манна, *Человек в футляре* А. П. Чехова, комический образ чрезмерно строгого учителя у Чудомира¹) и учителя с горькой судьбой, испытывающего нищету и политическое давление (в творчестве Чехова, Елина Пелина², Чудомира и др.)³. Особое значение придает профессии учителя позитивизм, завоевавший себе место в общественной мысли некоторых европейских стран. Литература, в которой находят воплощение идеи позитивизма, создает образ учителя-подвижника, в котором сохранена память о миссии апостолов, но, вместе с тем, в конвенциях реализма раскрывается бремя социальных недугов в осуществлении этой миссии. В литературоведческой русистике к русской рецепции идей позитивизма на материале русской литературы XIX века обращается Б. Оляшек (B. Olaszek), которая подходит к этому явлению с точки зрения польской культуры⁴. В болгарском литературоведении к упомянутым идеям в их русском проявлении – у писателей-народников – отсылают исследователи творчества писателя Тодора Влайкова⁵, близкого к Глебу Успенскому в своей интерпретации миссии учителя. Пока в болгарской гуманитаристике отсутствует целостное исследование концепта *учитель* в болгарской культуре. Настоящее исследование не ставит перед собой такой цели, но в нем мы попытаемся на основе произведений Ивана Вазова раскрыть взаимодействие идей позитивизма с мифологизацией/сакрализацией учителя, присущей болгарской культуре эпохи Возрождения. Обращение к Ивану Вазову

¹ Чудомир (Димитр Чорбаджийски) (1890–1967) – писатель-юморист, учитель (1920–1933), художник, директор Исторического музея в городе Казанлык (1933–1967).

² Елин Пелин (Димитр Стоянов) (1877–1949) – писатель, в творчестве которого, наряду с темой сельской неволи, часто интерпретируется и тема учителя.

³ Н. Георгиев, *Учител по литература ли? Не съм от тях*, София, Просвета 2010.

⁴ Б. Оляшек, *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005.

⁵ Тодор Влайков (1865–1943). Писатель народнического толка. Один из основателей в 1890-ом году земледельческого общества «Орало». Основатель (1895 г.) и председатель (1898 г.) Болгарского союза учителей.

мотивировано тем, что многие его произведения и персонажи, как и его личность, приобрели статус национальных концептов/мифологем.

Во время национально-освободительной борьбы против турецкого рабства в идеологии болгарской интеллигенции сталкиваются две позиции: революционеров и просветителей. После Освобождения в национальной мифологии культ революционера доминирует над культом Просветителя. В контексте этого спора симптоматичны жесты превращения учителей в революционеров во время Апрельского восстания 1876 года (Тодор Каблешков, Панайот Волов и др. погибают при подавлении восстания). Несмотря на противопоставление революционера просветителю, обе эти фигуры движения национального освобождения получают сакральную символику, поскольку болгарская национальная идентичность во время рабства формируется при помощи аналогии с библейской (евангельской) моделью. В этой культурной ситуации проблемы повседневной жизни учителя, которые находят выражение в некоторых текстах (преимущественно мемуарных) болгарских просветителей XIX века⁶, вытесняются на второй план.

В своем романе *Под игом* (*Под игом*) Иван Вазов создает образ революционера, убежавшего из ссылки в Малой Азии (Анатолии) и нанявшегося под чужим именем учителем в маленьком городке Бяла черква. Под прикрытием учительства герой Огнянов занимается подготовкой восстания весной 1876 года против турецкого рабства и погибает вместе со своей любимой – учительницей Радой – при подавлении восстания. В этом образе болгарского интеллигента роль просветителя подчинена роли революционера. В сюжете романа семантическая связь между мотивом любви и мотивом революции вызывает ассоциации с тургеневским сюжетом⁷ – как в романах *Рудин* и *Накануне* героиня Вазова выбирает Героя, борца за свободу, а не влюбленного в нее студента Кандова, приехавшего из России, читателя романов *Страдания юного Вертера* и *Преступление и наказание*. Н. Георгиев подчеркивает иную связь в тексте Вазова – между мотивом учительства и мотивом любви:

[...] първият любовен роман в нашата литература, между Огнянов и Рада, започва в училище по време на годишния изпит и продължава все по-силен, когато Огнянов се хваща учител⁸.

⁶ Исследователи роли учителя в эпоху Возрождения или публицисты, касающиеся этой темы, обычно приводят цитату реплики главы сельской общины к учителю из воспоминаний выдающегося поэта, журналиста и учителя Петко Славейкова: «Дяй то да си гуйдар, дяй да си даскал!» (смысл реплики таков: «разве может учитель равняться вольтинщику»).

⁷ И. Пелева, *Идеологът на нацията*, Пловдив 1994.

⁸ Н. Георгиев, *Учител по литература ли?...*, с. 14. В русском переводе соответствующий фрагмент звучит: «[...] первый любовный романс в нашей литературе, между Огняновым и Радой, начинается в школе во время публичного экзамена, и разгорается сильнее после того, как он нанимается учителем» – здесь и далее перевод наш – Д. Ч.

История экзамена такова: учительница Рада должна показать перед родителями детей и общественностью полученные ее ученицами знания. Вопросы им задает желающий из публики. Первым выходит самовлюбленный и высокомерный туркофил Стефчов, который формулирует вопросы так сложно, что девочки его не понимают и готовы плакать. Тогда предлагает свою помощь Огнянов – его вопросы просты и ясны, девочки отвечают, а учительница Рада спасена. Таким образом, Огнянов проявляется как рыцарь, спасающий свою Даму. Что касается Стефчова, симптоматично, что в его образе неумения методического характера сочетаются с душевной черствостью и отсутствием патриотизма. Н. Георгиев интерпретирует сцену экзамена с другой точки зрения – как пример горькой судьбы учителя-женщины:

Историята с Рада напомним, че в бедата да си учител има още по-голяма беда – да си учител жена, учителка, във времена на така наречената мъжка хегемония⁹.

В интенции автора, однако, проблема зависимого положения учителя не является основной: важнее проблема роли интеллигенции в освободительной борьбе (чуждым этой борьбе оказывается приехавший из России студент Кандов, увлеченный идеей Раскольникова).

О зависимости учителя от нанимающих его глав общины подсказывает и другое произведение Вазова – повесть *Чичовци* (в русском переводе *Дяденьки*). М. Цанева отмечает сцену, в которой городской староста – русофил «чорбаджи»¹⁰ Мичо – не признает фактов поражения России в Крымской войне, о которых сообщает учитель, и добивается увольнения этого учителя в следующем году. Исследователь предлагает два прочтения этого эпизода, противопоставляя в ценностном отношении русофильский миф разуму и отождествляя позицию автора с позицией персонажа:

Малък анекдот, показателен за положението на предосвобожденския учител, «главяван» като пъдар от невежите градски първенци. Но трябва да си съвършено лишен от въображение, за да възприемеш епизода само в този негов битов смисъл и да не си помислиш заедно с автора: а кой знае, може би спривавият и своенравен русофил по-добре е чувствал нуждите на сопотското училище¹¹.

⁹ История с Радой напоминает нам, что больше беды быть учителем – беда быть учителем – женщиной, учительницей, во времена так называемой мужской гегемонии. См.: Там же.

¹⁰ Турецкое слово «чорбаджия» означает богач.

¹¹ Небольшой анекдот, симптоматичный для болгарского учителя до Освобождения, которого нанимали как сторожа безграмотные первые люди города. Но человек должен быть совершенно лишен воображения, чтобы воспринять эпизод только в этом бытовом смысле и не подумать вместе с автором: а кто знает, может быть вспыльчивый и своенравный русофил лучше чувствовал нужды школы в Сопоте. См.: М. Цанева, *Иван Вазов. Творчески портрети*, София 1995, с. 47.

Такая интерпретация литературоведа симптоматична с точки зрения иррациональности болгарского русофильства. Что касается позиции автора, то симпатии к герою-русophile бесспорно легко уловимы в тексте, но русофил-Вазов способен смотреть на вещи с иронической дистанции, способен на демифологизацию, а в данном случае это проявляется в изображении несвободы учителя, испытывающего идеологическое давление со стороны власти.

Образ учителя создан и в мемуаристике Вазова – в *Даскалите*¹² (*Учителя*) 1901 года. Возвращаясь с ностальгией к своим школьным годам, писатель создает представление о высоком значении профессии учителя во время Возрождения для формирования молодежи и для поднятия культурного самосознания народа. Респект рассказчика к таким фигурам Возрождения как Ботьо Петков¹³ и Яким Груев говорит о культе учителя в болгарской культуре данной эпохи. Высокие коннотации понятия *учитель* можем извлечь из высказываний «замечательная личность» (определение личности Ботьо Петкова), «очаг просвещения, рассадник науки, духовная фабрика учителей и апостолов народного сознания» [огнище на просветата, разсадник на наука, духовна фабрика за учители и апостоли на народното свестяване]¹⁴. Но, поскольку в своем творчестве Вазов интерпретирует болгарскую историю как с пафосом, так и с юмором, в образах некоторых учителей писателя из его воспоминаний тоже открываем и комическое освящение их негативных черт: склонность к телесным наказаниям, отсутствие достаточной образованности и методичности, беспринципность (строгость учителя Атанаса можно «смягчить» принесенным из дома вкусным обедом). С дистанции времени получает иронический оттенок городка Сопот «новая Атина» в описании деятельности учителя Юрдана – реформатора, поэта, факира, полемиста, организатора общественных мероприятий, строгого воспитателя. (Подобной иронии лишены воспоминания других болгарских писателей об учителях времени Возрождения, в которых сохраняется высокий образ учителя¹⁵).

---

¹² Греческое слово «даскал» в XIX веке замещает слово «учитель» и имеет положительные коннотации. В настоящее время слово получает снижающие коннотации, что говорит о низком социальном статусе профессии учителя.

¹³ Ботьо Петков (1815–1869) – учитель в городах Карлово и Калофер, отец поэта-революционера Христо Ботева.

¹⁴ Оценка Пловдивской гимназии, директором которой был Яким Груев. См.: Ив. Вазов, *Даскалите*, [в:] он же, *Събрани съчинения в 22-и тт.*, София 1976, т. 8, с. 411–412.

¹⁵ В своих мемуарах *Преживяното (Пережитое)* 1934 года писатель народнического толка Тодор Влайков создает представление о культе учителя, знания, о престижности этой профессии в болгарском обществе времени Возрождения, (когда брат рассказчика становится учителем, в доме воцаряется хорошее настроение, за столом витает атмосфера торжественности, хотя, как оказывается, в сознании болгарина ремесло стоит выше учительства с точки зрения прагматики). Утверждение культа учителя в 30-ые годы XIX века, когда в болгарской литературе создаются произведения, рисующие горькую судьбу учителя, мотивировано

Наряду с упомянутыми образами учителей в произведениях Вазова, воскрешающих эпоху Возрождения, писатель создает и образ современного учителя в своем романе *Казаларската царица* (*Казаларская царица*)¹⁶ 1903 года. Это образ учителя Чакалова, который своей деятельностью сумел переменить к лучшему облик деревни Казалар, в которой поселился. Сюжет романа построен на основе сюжета «соблазненная и покинутая», в чем исследователи улавливают с основанием близость к поэтике романа сентиментализма. Вместе с тем, сюжет вызывает ассоциации с романом *Анна Каренина*¹⁷ (мотив знакомства влюбленных в поезде, оппозиция цивилизация-природа, попытка женщины покончить с собой из-за несчастной любви, параллельные сюжеты несчастной пары влюбленных и счастливой пары влюбленных – Цонка и Трайчев, Милка и Бранков). Близость романа Вазова к роману Толстого открываем в создании романной структуры, в которой могут отсутствовать внешние сюжетные связи: сюжет деятельности Чакалова в селе, среди народа, «скреплен» с любовным сюжетом только знакомством сестры обманутой героини Цонки с этим учителем при посещении села, в котором Цонка работает учительницей (и которую называют «Казаларской царицей»). Один из рецензентов романа С. Спартански (псевдоним писателя Стилиана Чилингирова) обращает внимание на искусственное включение образа Чакалова в роман:

Чакалов не е толкози потребен. Вазов го е вметил само да обясни доброто устройство на селото и да изкаже своите гледища върху дейността на учителя¹⁸.

В таком приписывании герою любимых идей автора тоже можно открыть сходство между Вазовым и Толстым – главка *Един народен учител* (*Один из народных учителей*) включает обширный монолог Чакалова с дидактическим пафосом, в котором можно узнать дискурс самого Вазова, рассуждающего о роли народного учителя в комментарии к собственному роману¹⁹. В создании подобной структуры романа скрывается желание болгарского писателя, подобно Толстому, затронуть все актуальные вопросы болгарской

именно народническими идеями автора – о высокой миссии учителя, который должен, несмотря на трудности, служить своему призванию скромным и упорным трудом.

¹⁶ «Казаларской царицей» называют героиню-учительницу села Казалар (название, вымышленное Вазовым), сыгравшую роль царицы в исторической пьесе, поставленной учителями.

¹⁷ Анализ интертекстуальных связей между романом Вазова и романом Толстого см.: Д. Чавдарова, «Казаларската царица» – «Анна Каренина» по български?, «LiterNet», № 2 (183), [Электронный ресурс] http://liternet.bg/publish22/d_chavdarova_vazov.htm [28.01.2015].

¹⁸ Чакалов не так нужен. Вазов включил его в свое произведение только чтобы объяснить возможности хорошего устройства села и высказать свою точку зрения на деятельность учителя. См.: С. Спартански (Стилиян Чилингиров), «Казаларската царица» от Иван Вазов, «Българска сбирка» 1903, № 7.

¹⁹ Ив. Вазов, *За «Казаларската царица»*, [в:] он же, *Събрани съчинения...*, т. 10, с. 350.

культуры начала XX века (роль учителя для поднятия материальной культуры и духовной культуры народа, эмансипация женщины, политическая беспринципность и др.).

В соответствии с идеями народничества в образе учителя Чакалова утверждается значение сельского хозяйства – параллельно со своей работой в школе, учитель создает образцовое хозяйство. На основе мотива агрокультуры, а также на основе идеи «естественного человека», Чакалова Вазова можно сопоставить с Левиным из романа Толстого. Для героя Вазова, по его собственным словам, «идеал земного счастья находится в труде, в здоровье и в природе» (перевод наш – Д. Ч.)²⁰. Сочетание двух социальных ролей в образе героя – учителя и земледельца – можно воспринять как реализацию метафор «сеятель знаний», «плоды просвещения». Воплощая в образе Чакалова идеи позитивизма о работе интеллигента на благо общества, писатель вместе с тем придает ему утопические черты, создает представление о чудотворном преображении села благодаря учителю. Такая концептуализация учителя противоречит «теории малых дел» народников. Знаками чудотворства в тексте Вазова являются лексемы «чужачество», «провидение», «очарывал» («омагьосваше») в характеристике Чакалова другими персонажами, или название «Эльдорадо» в оценке его сада. Этот утопизм не преминули отметить критики романа, обвиняя автора в отсутствии достоверности. На эти претензии критиков Вазов отвечает примерами из чужих культур, на которые позитивизм оказал сильное влияние, и настаивает на наличии у нас таких учителей, как в Дании и Германии:

Чакаловци са донейде германските народни учители, Чакаловци са особено датските народни учители, и трябва да считаме щастливи страните, които ги имат. Чакаловци имаше и у нас – когато пишех романа – в едно село в Добричко, в село Алдомировци в Софийско и другаде²¹.

Несмотря на эти возражения писателя, читатели не могли не уловить в образе Чакалова упомянутые утопические черты (впрочем, сам Вазов в цитированном выше комментарии признает, что «этот идеал трудно постижим в настоящих условиях»). Особо интересны отзывы читателей – учителей. Можно предположить, что их прочтение было бы миметическим, т. е. они искали бы в изображении Вазова свою жизнь. Поэтому заслуживает наше внимание реакция рецензента романа в издании учителей «Съзнание» («Сознание»), который не предъявляет автору требование «жизненной правды» («Автор свободен создать тип учителя, который не встречается нигде»), но проблематизирует реалистичность дела Вазовского учителя:

²⁰ Ив. Вазов, *Казаларската царица*, [в:] он же, *Събрани съчинения...*, т. 15, с. 85.

²¹ Ив. Вазов, *За «Казаларската царица»...*, с. 350.

Онова, което Чакаловци могат да извършат чрез такава деятелност, то е само това: да обърнат своята къща в малък рай и да привлекат селското любопитство и внимание със своята къщовност, което е само една еснафска добродетел. Истинската работа, която учителите вършат по села и градове, не става така бърже (за пет години!)²².

Представление о чудотворстве (заглавие отзива *Учитель-чудотворец*) находит выражение в современных интерпретациях романа Вазова в жанровом определении «роман-утопия». В контексте сравнения между Левиным и Чакаловым можно сказать, что Вазову неприсущ скептицизм Толстого по отношению реформаторской роли героя (примерами чего у Толстого являются сцены непонимания и неприятия реформ помещика со стороны крестьян). Поэтому описание Чакалова включает факты успеха его проектов – в школе, в благоустройстве деревни, в сельском хозяйстве, как представителя банка в селе. В болгарской среде оказывается беспроblemным и брачный союз с крестьянкой – союз, о котором дворянин Левин мечтает в определенный момент, но потом отбрасывает как невозможный. Сходство Чакалова с Левиным можно обнаружить в их заинтересованности в сочинениях по агротехнике:

Това бяха специални съчинения по стопанството: «Орало»²³, «Пчела»²⁴ и др. [...] Там имаше книгата *Стопанството на Дания*, на френски, Ръскин²⁵ в руски превод и някоя книжа на Толстой²⁶.

Среди героев Вазова, представляющих тип «читающего человека», Чакалов выделяется своим читательским вкусом, ориентацией к «полезной» книге с прагматической функцией. Комментарий чтения героя в речи Милки содержит полемику с массовым читательским вкусом: «Литература здрава. У нас малко се чете тя. *Воденичарската усойка* намира повече любители – каза Милка на сестра си»²⁷. Особо значимо имя Толстого в описании библиотеки Чакалова. Поставленное в один ряд с заголовками остальных

²² То, что Чакаловцы могут совершить такой деятельностью, состоит только в этом: превратить свой дом в маленький рай и привлечь любопытство крестьян своей хозяйственностью, что является добродетелью мещанской. Настоящая работа, которую исполняют учителя по селам и городам, невозможно осуществить так быстро – за пять лет! См.: Фалк (Григор Чешмеджиев), *Учител-чудотворец*, «Съзнание» от 4.10.1903.

²³ «Орало» – журнал о земледелии. Выходит три раза в месяц с 1894 по 1949 г. Редактор Янко Забунов. Журнал пропагандирует народнические идеи. Примечание из издания: Ив. Вазов, *Казаларската царица...*, с. 502.

²⁴ «Пчела» – месячный орган общества пасечников. Выходит с 1902 до 1950 г. См.: там же.

²⁵ Джон Рёскин (John Ruskin) (1819–1900) – английский критик.

²⁶ Это были специальные сочинения о сельском хозяйстве: «Орало», «Пчела» и др. [...] Там были книга *Хозяйство Дании* на французском языке, Рёскин в русском переводе и некоторые сочинения Толстого. См.: Ив. Вазов, *Казаларската царица...*, с. 80–81.

²⁷ Это здоровая литература. У нас мало читают такую. *Воденичарската усойка* находит больше любителей, – сказала Милка своей сестре. Болгарское заглавие романа французского

книг библиотеки, он вызывает представление о Толстом-моралисте, который в это время вытесняет Толстого-художника в сознании болгарского образованного общества²⁸. Дополнительным сигналом связи героя с идеями Толстого является вопрос Милки к нему: «Вы толстовец?». Симптоматично, что учитель отвечает отрицательно на этот вопрос, чем подчеркивается его автономность. Спор критиков-толстовцев с романом может быть темой отдельного разговора.

Если в романе *Казаларская царица* Вазов воплотил свой идеал народного учителя, то в других своих текстах, например, в письмах, он касается проблемы униженности учителя, издевательств со стороны чиновников: в письме к профессору Шишманову, министру Просвещения, от 15.07.1903 г. писатель просит отменить несправедливое увольнение учительницы французского языка Елены Палашевой из города Сливена, упоминая мотивы этого акта – личная ненависть чиновника Министерства²⁹.

На основе наблюдений над интерпретацией темы учителя в творчестве Вазова можем прийти к выводу, что это творчество занимает важное место в конструировании концепта *учитель* в болгарской культуре. В контексте болгарской литературы конца XIX – начала XX веков вазовская концептуализация учителя занимает специфическое место:

– В произведениях писателя, воскрешающих эпоху Возрождения, создан высокий образ учителя – просветителя народа и борца за свободу, но, вместе с тем, подсказана и зависимость учителя от тех, кто его нанимает – хотя эта проблема не становится основной. Учитель этой эпохи в некоторых случаях становится и объектом вазовского юмора. Таким образом, фигура учителя у Вазова, как и все другие явления болгарской культуры, колеблется между высоким и низким, между пафосом и иронией.

Обращаясь к новой эпохе – после Освобождения – Вазов создает образ учителя, в котором воплощены позитивистские идеи работы учителя не только в школе, но и в народной среде, но, в отличие от писателей-народников (например, от Тодора Влайкова), интерпретирует эти идеи в утопическом дискурсе. Утопизм Вазова можно объяснить его ролью Просветителя, «идеолога нации»³⁰. Именно эта роль противоречит проблематизации миссии учителя в стиле Чехова, характерной для творчества Елина Пелина.

писателя Эмиля Ришбура (Emilé Richebourg) *La fauvette du moulin*. пер. с французского Т. С. Теодорова, София 1897. Информации о русском переводе мы не нашли.

²⁸ В Болгарии толстовство распространяется после 1900 года, благодаря деятельности Саввы Ничева, Стефана Андрейчина, Георгия Шопова, Христо Досева. Во время управления Болгарского земледельческого народного союза (1920–1923) основываются колонии, издаются книги и журналы толстовцев. Колонии толстовцев существуют в селах Ясна поляна и Индже войвода около Бургаса, в селе Ружинци около города Белоградчик, в селе Дерманци около города Луковит.

²⁹ Ив. Вазов, *Събрани съчинения...*, т. 10, с. 286.

³⁰ См.: И. Пелева, *Идеологът на нацията...*

Можно заключить, что колебание между пафосом и иронией, между сакрализацией учителя и его снижением, характерно для болгарской культуры в целом: с одной стороны – празднование Дня будителя 1 ноября, праздник Славянской письменности с исполнением гимна *Св. св. Кириллу и Мефодию*, с другой – низкий социальный престиж профессии учителя, одним из знаков которого в языке является смена положительной коннотации слова «даскал» в XIX веке с отрицательной, снижающей в наше время.

Библиография

- Вазов Ив., *Събрани съчинения в 22-и тт.*, София 1976.
- Георгиев Н., *Учител по литература ли? Не съм от тях*, София 2010.
- Оляшек Б., *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005.
- Пелева И., *Идеологът на нацията*, Пловдив 1994.
- Ришбура Э., *La fauvette du Moulin*, пер. с франц. Т. С. Теодорова, София 1897.
- Спартански С. (Стилиян Чилингиров), «*Казаларската царица*» от Иван Вазов, «Българска сбирка» 1903, № 7.
- Фалк (Григор Чешмеджиев), *Учител-чудотворец*, «Съзнание» от 4.10.1903.
- Цанева М., Иван Вазов. *Творчески портрети*, София 1995.
- Чавдарова Д., «*Казаларската царица*» – «*Анна Каренина*» по български?, «LiterNet», № 2 (183), [Электронный ресурс] http://liternet.bg/publish22/d_chavdarova_vazov.htm [28.01.2015].